

УДК 101:314.74

Сломский В.С.¹ – д-р филос. наук, профессор
Высшая школа финансов и управления
(Варшава, Польша)

ЭТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ М.М. БАХТИНА

«Не стыдитесь самих себя,
ибо от сего лишь всё и выходит».

Ф.М. Достоевский

Акцентируется внимание на непосредственном анализе нравственных воззрений Бахтина, которые тесно связаны с особенностями его религиозности, что во многом поможет уяснить специфику его понимания морали и новаторские трактовки этической сферы в её взаимосвязях со смеховой культурой. Мыслителю была присуща особая религиозность, которая не укладывалась даже в рамки весьма широко и революционно проинтерпретированного философами и культурными деятелями «Серебряного века» православия. Исследована идея М. Бахтина о том, что этические ценности в произведении искусства должны быть подчинены эстетической объективности. Для того чтобы эстетическая сторона создания произведения искусства оказалась в итоге на должной ценностной высоте, необходимо, чтобы художественная заинтересованность автора доминировала над его же познавательно-этической заинтересованностью.

Ключевые слова: этика, ценность, искусство, смеховая культура, вера, поступок.

Сломський В.С. Етичні питання в науковій спадщині М.М. Бахтіна. Акцентовано увагу на безпосередньому аналізі моральних поглядів Бахтіна, які тісно пов'язані з особливостями його релігійності, що багато в чому допомагає усвідомити специфіку його розуміння моралі і новаторські трактування етичної сфери в її взаємозв'язках зі сміховою культурою. Мыслителю була властива особлива релігійність, яка не вкладалася навіть в рамки досить широко і революційно проінтерпретованим філософами і культурними діячами «Срібного століття» православ'ям. Досліджено ідею М. Бахтіна про те, що етичні цінності в творі мистецтва повинні бути підпорядковані естетичній об'єктивності. Для того щоб естетична сторона створення твору мистецтва виявилася в підсумку на належній ціннісній висоті, необхідно, щоб художня зацікавленість автора домінувала над його ж пізнавально-етичної зацікавленістю.

Ключові слова: етика, цінність, мистецтво, сміхова культура, віра, вчинок.

Slomski V. Ethical Issues in Scientific Heritage M.M. Bakhtin. The attention is focused on the direct analysis of the moral views of Bakhtin, which are closely linked with the peculiarities of his religiosity, which largely pomoget understand the specifics of his understanding of morality and innovative interpretation of the ethical sphere in its relationship with the culture of laughter. Thinker was inherent in a particular religion, which did not fit into the framework of even very broadly interpreted and revolutionary philosophers and cultural figures of "Silver Age" of orthodoxy. Bakhtin studied the idea that ethical values in the work of art must be subordinated to the aesthetic of objectivity. In order to create the aesthetic aspect of art was ultimately due to the height of value, it is necessary that the artistic interest of the author dominated by his cognitive and ethical interest.

Keywords: ethics, value, art, culture of laughter, faith, act.

В научном наследии Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975) известное место занимают этические проблемы, на что неоднократно указывали исследователи его творчества, несмотря на то, что литература о Бахтине преимущественно посвящена общеполитическим, филологическим или лингвистическим проблемам. Поэтому нам представляется важным специально обратиться к изучению этической концепции М.М. Бахтина, которая сегодня предстаёт **актуальной задачей** философского осмысления особенно с учётом нынешней карнавализации человеческих отношений во многих сферах общественной жизни.

Органическое присутствие карнавализации в человеческом бытии эпохи постмодерна рассматривал и известный итальянский писатель и мыслитель Умберто Эко. Он пишет: «Будучи по определению существами игрового плана, потеряв всякую меру в играх, мы тонем в тотальной карнавализации» [28, с. 147]. В этой тотальной карнавализации наиболее выразительно выделяются карнавализация политики, религии и спорта [28, с. 140-148]. В известном смысле и современные революции выглядят как спорадические карнавальнo-игровые ниспровержения, о чем свидетельствуют¹ даже их лозунги, программы борьбы и сами названия: революция роз, тюльпанов, оранжевая, бархатная и т.п. Конечно, на известном историческом расстоянии некоторые революции и могут выглядеть как карнавал, когда забыты наиболее острые моменты их развития. Но в современном мире есть и другого рода революции. Так, практически все события последней революции в Украине (2013–2014), названной «революцией достоинства», демонстрировали все украинские телеканалы, но это была революция с жестоким и кровопролитным концом, в котором не было места ни театральности, ни браваде.

Что касается религии, то попытки карнавализовать её в эпоху постмодернизма наиболее выразительно представлены в работе Мишеля Маффесоли «L'ombre de Dionysos» (1982). На место Бога Библии Маффесоли предлагает бога театра Диониса, соединяющего в себе ощущение драматизма жизни с эскапизмом в дурманящем, неистовом мире оргии. В этой связи архиепископ Юзеф Жицинский делает такое замечание: «Дионис ... приглашает на великий пир жизни, где сплошная полифоничность добывается благодаря новым типам связи, порождённых ценностями, в иерархии которых особенными символами становятся вино и секс» [17, с. 31]. Американский пастор Джин Вейз подчёркивает: «Для постмодернистов мораль, как и религия, является вопросом желаний» [14, с. 200]. Хотя в ряде работ подчеркиваются и другие аспекты переживания в литературе разного рода духовного опыта [см.: 25; 26].

Обобщая, можно сослаться на мнение одного из западных исследователей творчества М.М. Бахтина Грэма Пичи, который считает, что едва ли можно назвать хотя бы одну актуальную постмодернистскую тему, которую Бахтин не предвосхитил бы в своих работах [см.: 30]. Поэтому в контексте сказанного выше, *цель данной статьи* автор видит в том, чтобы путём теоретико-философского анализа раскрыть значение и роль этической концепции Бахтина для анализа новейших метаморфоз и трансгрессий сферы, связанной с моральной регуляцией человеческого поведения.

Методологическими принципами исследования текстов М.М. Бахтина в соответствии с поставленной целью, можно считать следующие: 1) спрашивание; 2) беседа; 3) смысловая конвергенция или диалогическое понимание [6, с. 309]. Отсюда следует, что согласно Бахтину, новизна научной работы (монографии, трактата, статьи и т.п.) помимо всего прочего заключается в *новом, неповторимом* использовании цитируемых текстов, обрамляемых реагирующим на них вопрошающим, соглашающимся или возражающим контекстом [6, с. 300-301]. Отсюда очень важное значение приобретает коммуникативная составляющая диалога, возникающая на почве согласованной коммуникантами темы.

Переход к непосредственному анализу нравственных воззрений Бахтина, следует упредить сжатой характеристикой особенностей его религиозности, которые во многом помогут уяснить специфику его понимания морали и новаторские трактовки этической сферы в её взаимосвязях со смеховой культурой. Мыслителю была присуща особая религиозность, которая не укладывалась даже в рамки весьма широко и революционно проинтерпретированного философами и культурными деятелями «Серебряного века» православия. В этом он расходился с Н.А. Бердяевым, И.А. Ильиным, В.В. Зеньковским, П.А. Флоренским и другими, за исключением, может быть, В.С. Соловьёва и Л.И. Шестова в оценках ключевых литературных образов. Достаточно ясно это можно видеть на примере образа Акакия Акакиевича из «Шинели» Н.В. Гоголя [см.: 13].

Главным в этом расхождении было то, что религиозность Бахтина – это религиозность вообще, лишённая конфессиональной определенности и предполагающая прямую мистическую связь с Богом без посредничества священников. Такая религиозность фундируется исключительно на личностном религиозном самоощущении и она близка и понятна западному человеку, чьи религиозные, а также и философские корни зачастую произрастают из протестантского пиетизма. Так, отмечая данное обстоятельство, Н.К. Бонеецкая пишет, что Бердяев популярен на Западе не менее, чем Бахтин. Но если Бердяев воспринимается западными интеллектуалами «как философ специфически русский и, более того, православный», то Бахтина воспринимают «как своего, помещая его в ряды западных мыслителей, устанавливая многообразные смысловые параллели его идей с традициями европейской философии» [9, с. 509].

Михаил Бахтин относил себя к людям веры, и безверие для него было неприемлемо. Специфическое понимание веры Бахтиным раскрыто в следующем его высказывании: «Не вера (в смысле определённой веры в православие, прогресс, в человека, в революцию и т.п.), но *чувство веры*, то есть цельное

¹ Эту особенность современных революций в своё время подробно описал Жан-Поль Сартр в работе «Критика диалектического разума» (1960).

(всем человеком) отношение к высшей и последней ценности» [4, с. 338]. Источником его религиозности служит внутренняя религиозно-этическая интуиция. Бахтин – интуитивно верующий. Эту интуицию он понимает как нечто уникальное в своём роде, имманентное, глубоко интимное и задушевное. Он писал: «Самый факт осознания себя в бытии, говорит уже о том, что я не один в самоотчёте, что я ценностно отражаю в ком-то, что кто-то заинтересован во мне, что кому-то нужно, чтобы я был добрым» [4, с. 134]. Этот таинственный «кто-то» - это и Бог, и творящий Автор.

В рукописи, позже озаглавленной публикаторами «К философии поступка» [см.: 18; 22; 27], автор проводит радикальное разграничение миров этического и теоретико-эстетического. Он пишет: «И в результате встают друг против друга два мира, абсолютно не сообщающиеся и не проницаемые друг для друга: мир культуры и мир жизни, единственный мир, в котором мы творим, познаем, созерцаем, жили и умираем; мир, в котором объективируется акт нашей деятельности, и мир, в котором этот акт единожды действительно протекает, свершается» [см.: 7]. Ниже он поясняет эту мысль так: «...безукоризненная техническая правильность поступка еще не решает дело о его нравственной ценности. Теоретическая истинность технична по отношению к долженствованию» [там же].

К нравственным поступкам Бахтин относит не только и не столько реальные практические действия, сколько преимущественно мышление. Он пишет: «Каждая мысль моя с ее содержанием есть мой индивидуально-ответственный поступок, один из поступков, из которых слагается вся моя единственная жизнь как сплошное поступление, ибо вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок: я поступаю всей своей жизнью, каждый отдельный акт и переживание есть момент моей жизни-поступления» [там же]. Бахтин наделяет поступок не только ответственностью, но и моральной свободой: «...за выбор цели, за место в событии бытия ответственна нравственная активность, и в этом она свободна. В этом смысле этическая свобода (так называемая свобода воли) есть не только свобода от познавательной необходимости (каузальной), но и необходимости эстетической...» [3, с. 112]. Отсюда моральность или аморальность поступка определяется его целевой заданностью. Из этого следует, что нравственная критика того или иного поступка должна вестись с точки зрения его целей, средств и долженствования: «Долженствование есть своеобразная категория поступления-поступка, есть некая установка сознания. Нет определенных и в себе значимых нравственных норм, но есть нравственный субъект с определенной структурой (конечно, не психологической или физической)» [8, с. 14]. Сказанное означает, что фокус нравственно-этической проблематики переносится из плоскости теоретической этики, эстетики, психологии и других наук в сферу практической жизни, практического действия субъекта, ответственной личности. Сферой нравственности у Бахтина выступает *событие-бытие-практический разум*, а конкретным этическим субъектом – *я-для-себя*.

Итак, мораль по Бахтину находит своё выражение всецело в сфере бытия-события, в жизни-поступлении, в то время как эстетическое принадлежит к объективированному миру культуры, а область науки к текстуально оформленному теоретическому миру. Но всё же этическому и эстетическому, помимо их интеграции в личности, присуще ещё одно общее свойство: обе сферы имеют ценностное измерение. Этим они отличаются от гносеологии, теории познания, которая, по мнению Бахтина, является не ценностной, а значимой.

В области художественного творчества соотношение этического и эстетического выглядит у Бахтина следующим образом – этическое содержание широко понимаемого текста-высказывания [5, с. 297] должно быть максимально полно и предельно чётко отделено от его эстетичной формы. Бахтин считал эстетически непродуктивным использовать художественные произведения для пропаганды злободневных моральных или социально-политических взглядов [3, с. 17]. Этические ценности в произведении искусства должны быть подчинены эстетической объективности. Для того чтобы эстетическая сторона создания произведения искусства оказалась в итоге на должной ценностной высоте, необходимо, чтобы художественная заинтересованность автора доминировала над его же познавательно-этической заинтересованностью.

Этические категории, которыми оперирует Бахтин в своих текстах, однозначно свидетельствуют об их христианском происхождении. К наиболее употребляемым мыслителем моральным категориям относятся: благообразне, ближний, Бог, вера, долженствование, духовный опыт, молитва, надежда, назидание, негодование, ответственность и другие.

К специфическим категориям этики Бахтина относятся: амбивалентность, будущее, вина-ответственность, внутреннее тело, жизнь-вера, молитва-исповедь, жизнь-поступление, память будущего и другие [3, с. 141]. Центральное место в категориальном аппарате этики Бахтина, без сомнения, занимает категория «вера». Бахтин утверждает: «Жизнь (и сознание) изнутри себя самой есть не что иное, как осуществление веры; чистое самосознание жизни есть осознание веры (то есть нужды и надежды,

неудовлетворённости и возможности). <...>Предвосхищая верою оправдание в боге, я мало-помалу из *я-для-себя* становлюсь *другим* для бога, наивным в боге» [3, с. 134-135]. Важность такого морального преобразования личности кроме сугубо нравственного её возвышения открывает возможность для глубокого осознания божественной эстетической красоты окружающего предметного мира и божественного образа в лике *другого*. Ведь как выглядит лицо, так может выглядеть и душа (вспомним философский роман О.Уайльда «Портрет Дориана Грея»). Таким образом, этическое совершенствование человека одновременно способствует раскрытию ним ценностно-эстетических сторон бытия. Исходя из понимания веры как высшей этической ценности и основываясь на текстах Достоевского, Бахтин подразделяет людей на два типа: людей веры, не мыслящих своё бытие без этой высшей ценности и людей безверия, атеистов, могущих жить без высшей ценности [4, с. 338].

Первый тип людей отнюдь не идеален. Все они, подобно Ивану Карамазову, подвержены колебаниям относительно содержания этой высшей ценности. Многие из них не могут сделать окончательный выбор этой ценности. Через подобные колебания и мучительные поиски в своё время прошёл и сам Бахтин. В 1929 году на допросе у следователя по сфабрикованному делу о нелегальной организации правой интеллигенции «Воскресение» Бахтин, отмечая данное обстоятельство, достаточно искренне говорил: «Лекционная деятельность моя и моих друзей явилась выражением известных умственных исканий и умственного беспокойства, порождённых необходимостью выработать новое для нас, адекватное социальной действительности тревог и материалистического мировоззрения. Процесс этой выработки для нас, людей умственно уже созревших и обладавших большими и разносторонними теоретическими познаниями, не мог быть процессом пассивного и лёгкого усвоения элементов готового мировоззрения, он неизбежно должен был принять характер трудной и тяжёлой работы по переоценке и проверке всех своих знаний и убеждений» [см.: 1]. Такие мысли-оправдания уже не воспринимались раскручивающей обороты тоталитарно-карательной машиной, в недрах которой вызревали идеи «социалистического реализма», указывает Н.В. Вандышева-Ребро [см.: 31].

Ко второму типу людей относятся хмурые-серьёзные агеласты, аморалисты, воинственные атеисты, официозные карьеристы, морализирующие лицемеры, морфорные обыватели, корыстные приспособленцы, назидательные ханжи, беззастенчивые хищники. Их безверие понимается в том смысле, что они, во-первых, равнодушны к высшей ценности, требующей всего человека, а во-вторых, они все они носят маски в смысле представления своего внешнего образа для других людей, оформленного не изнутри, а извне. В этом контексте понятие «маски» включает в себя все ложное и внешнее, охватывая стиль жизни и речь. Всех людей второго типа Бахтин вслед за Достоевским называет духовными мертвецами.

Особой трактовкой в текстах Бахтина наделена такая специфическая этическая категория, как «*юродство*». В отличие от традиционного понимания юродства как пророческого ясновидения и богоизбранности, а самого юродивого как блаженного, Бахтин интерпретирует юродство как циничный выверт, продукт богоборческих и человекоборческих интенций, а юродивого как человека, отвергающего суд Божий и суд людской. Согласно Бахтину, юродству присущи самозаконность, вызывающая, дразнящая откровенность, презрение и злобное недоверие к *другому*, жёлчный сарказм [3, с. 135].

Важную роль в этической концепции М.М Бахтина играет понятие «*будущее*» как этико-смысловая категория. Он писал: «Будущее не как голая временная, но как смысловая категория, то, чего ещё ценностно нет, что ещё не предопределено, что ещё не *дискредитировано* бытием, не загрязнено бытием-данностью, чисто от него, неподкупно и несвязанно-идеально, однако не гносеологически и теоретически, а практически – как долженствование» [там же]. Из сказанного следует, что нравственное переживание как смысловое устремление направлено в будущее и не может найти своего удовлетворительного завершения и однажды предстать только как отрешенное прошлое: «поскольку я именно *себя* нахожу в данном переживании, не отказываюсь от него *как моего* в единственном единстве моей жизни, я его связываю со смысловым будущим, делаю небезразличным к этому будущему, переношу окончательное оправдание и совершение его в предстоящее...» [3, с. 110]. Таким образом, изнутри, в жизненном нравственном переживании этического субъекта происходит трансгрессия границ между смысловыми прошлым, настоящим и будущим.

На основе этих постулатов позднее в постмодернизме конструируются концепты бинарности, номадологии, плато, плоскости, поверхности, ризомы, на которые обратила внимание и глубоко разработала Е.С. Переломова [24, с. 155-158 и др.]. Многих писателей и философов-постмодернистов интересуют не глубины и высоты, а прогрессистское скольжение по поверхности. Реконструировав в стилистике XX века идеи кинизма и стоицизма, Жиль Делёз приходит к выводу, что именно школы киников и стоиков, предвосхищая постмодернизм, задали принципиально новый философский дискурс, в котором более не было ни глубины, ни высоты. Отныне мир платоновских идей пребывал не в вышине, а на поверхности. Он выступал уже не как верховная причина, а лишь как поверхностный эффект; не как сущ-

ность, а как событие [15, с. 576]. По версии Делёза, двойной смысл поверхности раскрывается в неразрывном единстве изнанки и лицевой стороны, которое сменяет осевое ориентирование философской мысли на высоту и глубину. Модель мирового дерева с его корневищем сменяется моделью ризомы.

Сжатые характеристики постмодернистских концептов убедительно свидетельствуют о том, что этические воззрения «преждевременного постструктуралиста» (как называет его Грэм Пичи) М.М. Бахтина не только антиципировали, но и во многом фундировали постмодернистские разработки Феликса Гваттари и Жюль Делёза, к анализу которых во многих своих работах обращается Е.С. Переломова [см.: 24; 25; 26].

Новаторство эстетической концепции Бахтина не в последнюю очередь связано с интерпретацией в нравственном плане таких понятий как «карнавал», «смех», «серьёзность», «устрашение», «тело». Так как сферой моральных отношений непосредственно выступает сама жизнь, то карнавал, определяемый мыслителем как оформленная игровым способом жизнь [2, с. 12], несёт в себе этическое содержание. «Карнавал не созерцают, – пишет Бахтин, – в нём живут, и живут все <...> по его законам, то есть по законам карнавальской свободы» [там же]. Прообразом карнавала в европейской традиции были древнегреческие праздники в честь бога виноградарства и виноделия Диониса – антестерии, лении, оргии. Как убедительно продемонстрировано в монографии Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», мифологические и языческие элементы древнегреческой и древнеримской культур никогда до конца не были устранены из культуротворческих процессов Европы [2, с. 230-232; 3, с. 55]. Христианство, с одной стороны, бросило вызов греческой культуре, но с другой, стало воплощением её идеалов. В период Средневековья христианство, классический рационализм и народное язычество европейской культуры образовали своеобразный синтез. Народная культура Средневековья скрывала язычество за ширмой христианства, сохраняя старых богов под видом христианских святых.

Подобно греческой трагедии, в хаотическом веселье карнавала важная функция принадлежит маске. Причём роль маски в народном карнавальном веселье и её роль в придворных маскарадах, а также в романтической литературе отличаются радикальным образом. В народном карнавальном шествии маска выступает как проявление смеховой метаморфозы несовпадения с самим собой. Относительно отражения маскарада и функциональной роли маски в романтической литературе и драматургии, то они коренным образом отличны от весёлых метаморфоз народного карнавала. Здесь маска выполняет, как правило, зловещую роль, таит в себе мрачную угрозу, что-то inferнальное, страшное. Маска может позволить себе нелюбимое раскрытие подлинного морального облика той или иной личности [21, с. 22-24], может публично опозорить или, наоборот, стремится скрыть правду, обмануть. Бахтин справедливо полагал, что многолика символика маски неисчерпаема в своих смыслах [2, с. 48].

Опираясь на ренессансное понимание человеческого тела как микрокосма, Бахтин на основе текста Рабле, а также идей Бруно, Кампанеллы, Парацельса, Патрици, Помпанацци, Пико дела Мирандоллы, Порто и других в своём исследовании представляет тело как «всю вселенную, со всеми стихиями и силами, с её верхом и низом <...>, которое сближает и объединяет в себе отдалённые явления и силы космоса» [2, с.404]. Как видно из работ В.Н. Вандышева, такое понимание вполне согласуется с представлениями и оккультно-астрологическими [см.: 11; 12, с. 96-104] и религиозно-идеалистическими у христианских мыслителей [10, с. 58-59; 12, с. 178-185]. Однако в моральном плане в ренессансной трактовке человеческого тела как центра мироздания главное для Бахтина то, что так понятие тело объединяет в себе верх и низ, высшее совершенство с крайней степенью низости. В рамках хронотопа карнавала и других смеховых народных мистерий тело постоянно гривуазно кувыркается – верх то и дело оборачивается низом. Рассматривая это оборачивание, Бахтин формулирует ряд интересных смысловых инверсий: мужское оборачивается женским, лицо – задом, нос – фаллосом [2, с. 350-351]. Вместе с телом гривуазно кувыркаются смысл, время, пространство, оценка [там же, с. 459].

Реабилитация телесности Бахтиным в рукописи «Автор и герой в эстетической деятельности» и в монографии о романе Рабле противоречила нравственно-идеологическим установкам марксизма, содержала латентно глумливую критику и ценностное непринятие автором официально провозглашаемых в современной ему советской действительности этических ценностей. Позднее, разочарованные в марксизме левые интеллектуалы Запада, трансформировавшись в постмарксистов и постмодернистов, позаимствуют у Бахтина его интерпретации тела и телесности для построения своих философских конструкций. Сегодня такие понятия как «телесность», «тело», «тело без органов» (Ф. Гваттари), «тело без образа» (Ж. Делёз), «телесный язык» (А. Арто), «письмо тела» (А. Юберсфельд), «тело-текст» (Р. Барт) «трансгрессивное тело» (Ж. Батай) стали философскими категориями постмодернизма, вводящими в поле философской проблематики такие феномены, как сексуальность, аффект, перверсии.

Розділ перший. Філософія доби глобалізму, постмодерну й інформатизації

Таким образом, очевидно, что идеи М.М. Бахтина, в том числе и его этические воззрения, убедительно демонстрируют идейную преемственность претензий постмодернистских философов и культурологов. Что же касается диалогичности текста, имеющей этическую окраску, то как замечает Е.С. Переломова, диалогичность вступает в диалог с семиосферой и в момент порождения, и в процессе восприятия, и понимания: «Каждое высказывание, – пишет М. Бахтин, – реплика диалога, и монолог – наполнено восклицаниями чужих высказываний» [цит. по: 24, с. 15]. Вместе с тем, открытые Бахтиным этические смыслы смеховой культуры и лингвистики постоянно преобразуются и обновляются. И если коммуникация – это действительно то, что делает нас людьми, то лингвистика никогда не сможет быть полностью отделена от этики.

Литература:

1. Архив ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. – Дело 14284, т.3, лист 7.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – Москва: Художественная литература, 1990.
3. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г.Бочаров; Текст подгот. Г.С.Берштейн и Л.В.Дерюгина; Примеч. С.С.Аверинцева и С.Г.Бочарова. – 2-е изд. – Москва: Искусство, 1986.
4. Бахтин М. М. К переработке книги о Достоевском / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г.Бочаров; Текст подгот. Г.С. Берштейн и Л.В.Дерюгина; Примеч. С.С.Аверинцева и С.Г.Бочарова. – 2-е изд. – Москва: Искусство, 1986.
5. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г.Бочаров; Текст подгот. Г.С. Берштейн и Л.В.Дерюгина; Примеч. С.С.Аверинцева и С.Г.Бочарова. – 2-е изд. – Москва: Искусство, 1986.
6. Бахтин М. М. Приложение. Из лекций по истории русской литературы. Вячеслав Иванов / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г.Бочаров; Текст подгот. Г.С. Берштейн и Л.В.Дерюгина; Примеч. С.С.Аверинцева и С.Г.Бочарова. – 2-е изд. – Москва: Искусство, 1986.
7. Бахтин М. М. К философии поступка [Электронный ресурс] / М.М. Бахтин Режим доступа:<<http://www/ozon.ru/context/detail/id/25362.philosophy.ru/library/bahtin/post.html>>
8. Бахтин М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Работы 1920-х годов. – Киев: "Next", 1994.
9. Бонеецкая Н. К. М.М. Бахтин и традиции русской философии / Н. К. Бонеецкая //Философия не кончается... Из истории отечественной философии: XX век: в 2-х кн. – Изд. 2-е / Под ред. В.А.Лекторского. – Кн. I. 20-50-е годы. – Москва: РОССПЭН, 1999.
10. Вандышев В. Н. ВарСава, или Жизнь после: монография. – Киев: Кондор-Издательство, 2016.
11. Вандышев В. М. Трансформація світогляду в добу Відродження і Реформації (з автентичними текстами праць Юрія Дрогобича в українському перекладі): навчальний посібник. – Київ: Кондор-Видавництво, 2016.
12. Вандышев В. Н. Философия. Экскурс в историю учений и понятий. – Суми: ВВП “Мрія-1” ЛТД, 1996.
13. Вандышева Н. В. Християнсько-антропологічні мотиви у творчості М.В. Гоголя / Автореф... канд. філос. наук. – Харків, ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2001.
14. Вейз Дж. Э. Времена постмодерна / Джин Эдвард Вейз младший [пер. с англ. Евгений Терёхин]. – Минск: Фонд «Лютеранское наследие», 2002.
15. Грицанов А. А. Плоскость / А.А.Грицанов // Постмодернизм. Энциклопедия. / Составители и научные редакторы А.А.Грицанов, М.А.Мажейко. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С.576.
16. Достоевский Ф. М. Записки из подполья / Ф.М.Достоевский // Собрание сочинений в 12-ти томах. Т.2. – Москва: Художественная литература, 1982.
17. Жицінський Ю. Бог постмодерністів / Юзеф Жицінський [пер. з польськ. Андрій Величко]. – Львів: Вид-во Українського Католицького Університету, 2004.
18. Кривошеев А. В. Поступок как основание фундаментальной онтологии М.М.Бахтина [Электронный ресурс] / Режим доступа :<[http://www.sun.tsu.ru/mminfo/000063195/3000\(III\)/image/300_3_034-037.pdf](http://www.sun.tsu.ru/mminfo/000063195/3000(III)/image/300_3_034-037.pdf)>
19. Кроче Б. Эстетика как наука о выражениях и как общая лингвистика / Бенедетто Кроче [пер. с итал. В.Яковенко]. – Москва: Intrada, 2000.
20. Кустуриця Е. Я сам стаю трошки ослон / Е. Кустуриця. – ЗІК, 9 серпня 2012 р.
21. Лермонтов М. Ю. Маскарад / М. Ю. Лермонтов // Собр. соч. в 4-х т. – Т.3. – М.: Худож. лит-ра, 1965.
22. Медведев Ю. П., Медведева Д. А. Круг Бахтина: к обоснованию феномена [Электронный ресурс] / Режим доступа: <<http://www.lib.rus.ec/b/364053/read#t1>>; http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Категория:Круг_Бахтина&oldid=17198859.
23. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше // Соч. в 2-х т. – Т.1. Москва: Мысль, 1990.
24. Переломова О. С. Лінгвокультурні коди інтертекстуальності українського художнього дискурсу: діахронічний аспект: монографія. – Суми : Вид-во СумДУ, 2008.
25. Переломова О. С. Інтертекстуальність – структурна ознака текстів українського постмодерного художнього дискурсу // Вісник СумДУ. – №1.2008. – Суми, 2008. – С. 174-180.
26. Переломова О. С. Мовні знаки вияву інтенційної паратекстуальності авторського художнього тексту // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. 2009. Випуск 46. Частина 1. – Львів, 2009. – С. 127-133.
27. Пешков И. В. М.М.Бахтин: от философии поступка к риторике поступка / И. В. Пешков. – Москва: Изд-во «Лабиринт», 1996.
28. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / Умберто Эко [пер с итал. Е. Костюкович]. – М.: ЭКСМО, 2007.

**Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна,
серія «Теорія культури і філософія науки», випуск №56**

29. Эко У. Эволюция средневековой эстетики / Умберто Эко [пер. с итал. Ю.Ильина; пер. с лат. А.Струковой]. – СПб.: Азбука-классика, 2004.
30. Bakhtin Mikhail. The Word in the World by Graham Peachey. – Routledge, 2007.
31. Wandyszewa-Rebro Nadieżda W. Теория и практика соцреализма: умолчания и подспудные течения // Humanistyka i przyrodoznawstwo. Interdyscyplinary rocznik filozoficzno-naukowy. NR 13. – Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2007. – P. 213-233.